

РОЛЬ

История про то, что весь мир театр и далее по тексту

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юрий БЕРЕЖКОВ, актёр

Клим ШОНИН, персонаж

Вениамин ЖЕЛДЯНСКИЙ, художественный руководитель

Алла КНЯЗЕВА, жена Бережкова

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Интерьер стандартной, чуть неухоженной квартиры. ШОНИН в тельняшке за столом пьёт водку. На стуле висит парадный военный китель с капитанскими погонами, орденами и медалями. В углу стоит новогодняя ёлка.

ШОНИН. За Абубакира! Помню, брат. *(Выпивает, закусывает.)* Как ты там в блиндаже лезгинку эту: «Нара-най-нара-най-на! Нара-най-нара-най-на!» *(Напевает «Лезгинку», отбивает такт ладонями.)* Прости, брат. Шмель тебя тогда вытащил, вместе с ним глаза тебе прикрыли. И Шмеля уже нет. За Шмеля! *(Встает с рюмкой.)* За геройского командира первой роты старшего лейтенанта Виктора Шмельёва! За ВДВ! Никто, кроме нас! *(Выпивает, садится.)* Вот так, Витя, вот так. Буду за вас жить какое-то время. Надеюсь, недолгое. Скоро свидимся. И пусть нам ангелы поют такими злыми голосами. *(Включает голосовой поиск на телефоне, отдаёт приказ.)* Высоцкий, «Кони привередливые». Вот. *(Включает песню Высоцкого, наливает водку, берёт гитару, подпевает.)* «Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю. Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю...»

Хлопает входная дверь. В комнату входит КНЯЗЕВА, суетливо включает телевизор.

КНЯЗЕВА. По второму каналу уже идёт. Ты как тут, Клима? Ну ничего, отдыхай, отдыхай... Сейчас покажут, я специально с работы отпросилась с тобой вместе смотреть. Тогда-то, дура, не поглядела, забыла, веришь-нет, спать легла, телефон отключила. А наутро — мамочки мои! — тыща сообщений! И от Людки, и от Игоря Семёновича, и даже от Гали, прости господи, Тетериной. А потом звонят, звонят! И каждый поздравляет, каждый! И то, честь-то какая тебе выпала, Клима. Не любого какого в телевизор позовут, даже если он и с фронта. Так? Герой ты мой, роднулечка ты моя... Сейчас, скоро уже.

ШОНИН. Не то говоришь, Вера. Не про то. Выпей со мной.

КНЯЗЕВА. Конечно, зяблик мой, наливай. Со старым, как говорится, с Новым годом! Чтобы счастья был полон дом, чтобы победа и чтобы всё это скорей закончилось!.. Я погромче сделаю, Клима?

КНЯЗЕВА увеличивает громкость телевизора: «... добрый семейный праздник и добрый аист, приносящий на Новый год в дома россиян новорождённых, которые будут жить в стране традиционных ценностей, настоящих героев и истинного гуманизма. Счастья тебе, малыш Владипут!»

Хорошенький какой, не могу! Вот бы нам такого. А, Клима?

ШОНИН. Как, как новорождённого назвали?

КНЯЗЕВА. Владипут. Умеют же люди. Я бы тоже так назвала.

ШОНИН. Вот же ты у меня дура.

КНЯЗЕВА. Ну, дура, не всем же умными быть, как ты. Хочешь огурчиков солёных, домашних? Мне мама ещё осенью банку привезла, а я и забыла про них. Сейчас принесу.

ШОНИН. Сиди уже. Огурчики у них, помидорчики. Суки.

КНЯЗЕВА. Ну чего ты ругаешься? Хорошо же сидим, сейчас тебя покажут... А ты семью эту с Владипутом не помнишь, что ли? Вы же в одном зале сидели.

ШОНИН. В каком, нахрен, зале? Там нас в павильон завели, за стол посадили, шампанского налили и велели текст читать с монитора. Семь раз заставляли повторять, шампанское уже выдохлось, пока дура ведущая с приклеенной улыбкой свои идиотские одинаковые слова говорила. Потом чокнулись, выпили эту тёплую бурду — так даже закусить не дали: всё, говорят, товарищи герои, у нас съёмочный план горит. До свидания, до новых встреч. Ну и всё. Меня в госпиталь вернули, а потом уж я через две недели домой... Тебе деньги за ранение пришли?

КНЯЗЕВА. Нет ещё. А сколько там будет?

ШОНИН. Миллион, говорят. Если не кинут, конечно.

КНЯЗЕВА. Да как так можно-то?

ШОНИН. Можно, можно. Всякое бывает. Не за деньги воюем, хрен с ними.

КНЯЗЕВА. Нет, ну как? Ты же кровь свою пролил. Даже донорам деньги за неё платят.

ШОНИН. Ты меня донором сейчас, что ли, обозвала? Я русский командир, десантник! Мне кровь пролить, что рюмку водки выпить. *(Выпивает.)* Хоть свою кровь, хоть чужую. Донор какой-то, бляха.

КНЯЗЕВА. Прости меня, миленький. Это я сдуру, не подумав... Но деньги-то когда пришлют?

ШОНИН. Да откуда я знаю.

КНЯЗЕВА. Ну и ладно, и пусть. Я ж не к тому.

ШОНИН. А к чему? К чему ты вообще здесь? Не здесь, а здесь: в этой стране. Что ты про неё знаешь, что ты видела, кроме своей школы, своих магазинов, своих гулянок по ресторанам? Гуляла тут без меня по кабакам направо-налево? Гуляла, я знаю. Сама писала, как корпоратив отмечали, видел я эти фотки твои.

КНЯЗЕВА. Да что ты, дурачок? Это же просто совместное празднование начала каникул. Не только ведь у детей радость, и у нас же тоже. Ну, посидели с коллегами в учительской, выпили, потанцевали. Мы же тоже устаём, нам тоже праздника хочется.

ШОНИН. Праздника? Праздника вам хочется? Праздник — это когда ты живой с нуля возвращаешься, когда руки-ноги целы, когда...

КНЯЗЕВА. Вот! Смотри, смотри!

КНЯЗЕВА хватает пульт, включает максимальную громкость телевизора: «А теперь, дорогие друзья, мы присоединяемся к нашим героям, прибывшим на «Голубой огонёк» прямо с ЛБС, как говорят на фронте, — то есть, с линии боевого соприкосновения...»

Какой-же ты у меня красивый!

ШОНИН выпивает рюмку, не смотрит на своё экранное изображение. «...сейчас из госпиталя, значит, прямо к вам. Что хочется сказать в этот новогодний праздник? Мы там на передовой делаем всё, чтобы в ваших домах был мир. И мы обязательно добьёмся, чтобы никогда больше не было войны. Счастья, здоровья, удачи вам в Новом году! Победа будет за нами!»

ШОНИН. Налюбовалась? Выключай эту хрень.

КНЯЗЕВА. Конечно, миленький, вот, выключаю. Как же ты хорошо, как верно всё сказал. И товарищи твои там за столом тоже очень представительные военные, но ты самый красивый, самый.

ШОНИН. Я этих военных в павильоне первый раз в жизни увидел. И последний.

КНЯЗЕВА. Ну и правильно, и пусть их. А всё же честь тебе высокая оказана, Клим Алексеевич. Теперь про тебя вся страна знает, а может даже и президент. Как думаешь, Клима, смотрит президент «Голубой огонёк»?

ШОНИН. Смотрит. Проснётся, включит телевизор — и ну смотреть. И в обед ещё смотрит. А вечером — так обязательно. Он же заснуть не может, если новогоднее поздравление от капитана Шонина не увидит.

КНЯЗЕВА. Вот ты смеёшься, а я верю. От кого же ещё ему новости с фронта узнавать, как не от таких как ты? Самых лучших людей в нашей стране.

ШОНИН. Есть от кого. Там ему паркетные генералы всё расписывают гладко да сладко. Оттого они генералы, а я в капитанах второй год переживаю... И главное, видно же: по-человечески президент переживает, хочет по-людски всё сделать, чтобы и победу обеспечить, и людей сохранить. Но вокруг столько гнид тыловых окопалось, что некому ему правду доложить. Не-ко-му! А лично ему я верю. Он единственный, кто может. Давай, Вера, наливай. Выпьем за нашего президента. Только стоя.

Оба встают с рюмками в руках. КНЯЗЕВА аккуратно ставит свою рюмку на стол и даёт ШОНИНУ оглушительную пощёчину.

ШОНИН (*роняет рюмку, жалобным голосом*). За что?

КНЯЗЕВА с размаху бьёт его ещё раз. ШОНИН спотыкается о стул, падает, вытирает разбитый нос, практически плачет.

У меня кровь! За что ты меня, за что?

КНЯЗЕВА. За всё. Потому что ты дебил, видеть тебя не могу.

КНЯЗЕВА уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В рабочем кабинете худрука БЕРЕЖКОВ отодвигает от себя пьесу к ЖЕЛДЯНСКОМУ.

БЕРЕЖКОВ. Я не знаю, как это играть.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Что именно?

БЕРЕЖКОВ. Мне Алка всю морду бы в кровь разбила, если бы я так себя вёл и говорил. Это не люди, это карикатуры. Как играть карикатуру, ты знаешь? И я не знаю.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А в Голливуде, например, знают. И умеют, и любят.

БЕРЕЖКОВ. Да? Там прям карикатуры снимают? Кукрыниксов?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Зачем Кукрыниксов? «Человека-Паука», скажем, «Бэтмена», «Стражей Галактики».

БЕРЕЖКОВ. Это другое.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Что другое? Те же рисованные картинки комиксов, перенесённые в жанр киноискусства. А тебе нужно сыграть картинку на сцене. Что тут сложного для заслуженного артиста страны? И потом, где ты нашёл здесь карикатуру? Это люди. Другие люди, которых ты не знаешь, но они есть.

Ты видел когда-нибудь Деда Мороза? Нет. А сколько ты его отыграл на утренниках? Ну и вот.

БЕРЕЖКОВ. Дед Мороз не клянётся в верности президенту. Дед больше живой, чем этот капитан Шонин.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А Шонин, по-твоему, мёртвый?

БЕРЕЖКОВ. Вполне.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Вот! Ты нашёл! Капитан Шонин мёртв, капитан Шонин живой труп! А почему? Потому что война, потому что он видел столько противоестественного, противного человеческой природе, что весь выгорел внутри, опустел. От некогда живого, весёлого, добрейшего капитана Шонина осталась только оболочка. Он живёт, как тень самого себя, он говорит мёртвым языком, он...

БЕРЕЖКОВ. Он гремит, как пустой барабан.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Пусть барабан. Что плохого в барабане? Барабан отбивает ритм жизни, барабан задаёт темп, барабан поднимает в атаку!

БЕРЕЖКОВ. Под барабан хорошо ходить строем. Удобно.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. И это тоже. Время сейчас такое, когда барабан важнее скрипки. Ты пойми, Юра, такая сегодня жизнь. Да, не самая весёлая, да, не о такой мы мечтали в юности, да, приходится идти строем. Ты думаешь, мне этого хочется? Думаешь, я не понимаю, что театр — территория свободы? Ну, в принципе.

БЕРЕЖКОВ. Не знаю.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Меня ты не знаешь? Надо же. Ну, спасибо, господин артист, низайший тебе поклон. Когда десять лет назад мы с тобой вот эту «Золотую маску» получали за «Эмигрантов», ты очень хорошо меня знал, отлично ты меня знал, прекрасно ты меня знал, а теперь знать не хочешь? Молодец, ничего не скажешь.

БЕРЕЖКОВ. Я ничего и не сказал.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. И правильно. Ты не говори сейчас, ты слушай. Этого Шипунова сегодня двенадцать театров ставят, двенадцать! Самый востребованный в стране драматург, самый модный. А почему? Потому что настоящий творец всегда идёт в ногу со временем. Он обязан чувствовать исторический момент, обязан ему соответствовать. Только тогда он войдёт в резонанс со зрителем, получит ответную живую эмоцию...

БЕРЕЖКОВ. Нет.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Что опять нет?

БЕРЕЖКОВ. Не обязан. Обязан наоборот.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. О, господи.

БЕРЕЖКОВ. Мейнстрим — это когда строим: хоть в коммунизм, хоть в гомосексуализм. А настоящий художник всегда поперёк. Его бьют, им брезгают, им пугают детей и взрослых. А в финале — в настоящем финале, том самом, последнем — все остаются в говне и только он в белых перчатках.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Или в белом пальто. Оно тебе как, не слишком жмёт, когда мы все вокруг в своих грязных моральных одеждах?

БЕРЕЖКОВ. Пустой разговор, Веня. Отдай эту роль кому-нибудь другому. Мне не потянуть.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А кто потянет, если не ты? В труппе пять человек соответствующего пола и возраста. Ладно, пусть шесть. Кто эту роль вытянет? Дерябин, Григорьев, Азаров?

БЕРЕЖКОВ. Валецкий на своём нерве сыграл бы. Но нет уже в театре Димы Валецкого. А почему его нет, не подскажешь?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Потому что время сейчас такое. И потом, он всё равно бы уехал.

БЕРЕЖКОВ. А помнишь, давным-давно бухали с тобой у дяди Миши в его постановочном цеху?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. И не единожды. Крутой дядька был, легенда. Светлая память. Это ты к чему?

БЕРЕЖКОВ. К тому, что Михаил Николаевич великий мастер афоризмов был. Помню, вечно учил нас жизни на второй бутылке. Поднимет так палец вверх и изречёт нетленное: «Каждый уважающий себя театр должен иметь одного педераста». Не следуем мы заветам дяди Миши, не уважаем себя.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я Диму за пьянку уволил, а не за это вот всё.

БЕРЕЖКОВ. Конечно, за пьянку, за что же ещё. Мы же себя уважаем как ни в чём не бывало. Мы же по-прежнему честные, свободные, творческие люди. Несём публике разумное, доброе, вечное, вроде этого капитана Шонина. Уважаемые люди, да.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я два года старался отпетлять, и ты прекрасно это знаешь. А в нынешнем сезоне поставили перед выбором: или Валецкий, или бюджет срезаем вполтину. Прямым текстом: не обессудьте, не до культуры сейчас. По крайней мере, не до такой культуры, которую несёт нашим людям актёр лишней сегодня сексуальной ориентации... Я выбрал театр. И ты бы выбрал на моём месте. И любой.

БЕРЕЖКОВ. Театр, значит. «Отпуск капитана Шонина» вот этот. Всё для фронта, всё для победы. А потом этими же руками будем Чехова играть, Володина, Вампилова. И очень себя уважать. Бывает.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Времена не выбирают, Юра. В них живут и умирают.

БЕРЕЖКОВ. В них живут и уважают.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Точно. Но ты-то себя уважаешь, тебе легко себя уважать на нынешней ставке. И на ставке супруги. *(Нажимает кнопку рабочего телефона.)* Юлечка, где у нас сейчас Князева? В костюмерном? Пригласите её ко мне, пожалуйста. Спасибо... А если костюмершам вдвое понизить зарплату по твоей милости, они будут тебя уважать? Осветители? Монтировщики? Коллеги твои по сцене будут? Ну, чего молчишь? Легко быть святым за чужой счёт. Я бы тоже в святые хотел да грехи не пускают. Но ты же у нас ангел безгрешный в белом пальто... Капитан Шонин ему нехорош, видите ли. Алле твоей хорош, всем хорош, а заслуженному артисту Бережкову нехорош.

БЕРЕЖКОВ. Отдай его Дерябину, он справится.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ты так ничего и не понял, Юра. Играть должен ты. Это не моё решение. За всё в этой жизни нужно платить: за разговоры, за высказывания в интернетах, за отказы от участия в важных культурных проектах, за дружбу с Валецким. Пришёл счёт, пора расплачиваться капитаном Шониным. Не ты первый, не ты последний.

В кабинет художественного руководителя входит КНЯЗЕВА в накинутой на плечи блузке героини пьесы Веры Шониной.

КНЯЗЕВА. Разрешите, Вениамин Захарович?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Чего ты спрашиваешь? Проходи, Алла, садись.

КНЯЗЕВА *(садится, кивает на блузку)*. Совсем какая-то нелепая. Могла бы и попроще купить с её теперешними-то деньгами.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не могла... Да вы стоворились сегодня, что ли?! Она простая российская училка, хоть ты всю её шонинскими деньгами заклей с ног до головы. Она детям каждый год долбит одно и то же, они её достали уже до печёнок, видеть она их не может. Она по приказу директрисы нужные бюллетени на всех выборах в урну вбрасывает. Она на правильные партийные митинги ходит, не пикнув, по разрядке. Она сети эти маскировочные вяжет. Она обычная тупая овца, а ты хочешь, чтобы у неё блузка была от Версаче? Нет, только такая, из дешёвого базарного ларька. Что тут непонятного?

КНЯЗЕВА. Всё понятно, Вениамин Захарович. Сразу стало всё понятно. Я про блузку так, к слову.

БЕРЕЖКОВ. Тебе идёт.

КНЯЗЕВА. Даже не мечтай об урезании семейного бюджета на мой гардероб. Я у тебя какая-никакая, а актриса. Раньше надо было думать, может и нашёл бы такую Веру Шонину, жил бы себе и радовался.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ну то есть, тебе понятно всё про свою героиню, Алла, так?

КНЯЗЕВА. В общих чертах.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А ему непонятно. Он, видите ли, не знает, как играть Шонина, ему таланта не хватает или чего там у него ещё нынче в дефиците. Отказывается вдруг от роли, когда костюмы уже пошиты. Предлагает Дерябину отдать. Так Дерябин тебя выше на две головы! Прикажешь премьеру отложить, пока ему костюм новый сошьют?!

КНЯЗЕВА. Это он сказал сгоряча, не подумав. У нас их чересчур много, этих препятствий, они мне не по силам...

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я тебя умоляю, прекращай уже этот театр. И театр одного этого твоего актёра тоже прекращай.

КНЯЗЕВА. Будет сделано, господин режиссёр! Разрешите идти?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Вольно, не напрягайся. Забирай его и чтоб я вас сегодня больше не видел.

БЕРЕЖКОВ *(берёт из протянутой руки режиссёра свой текст пьесы)*. Подожди, ты меня совсем не слышишь...

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Вон отсюда! Чтоб завтра на репетиции готовы были! Оба! Чёртова семейка.

КНЯЗЕВА. Так точно. Обещаю. Пойдём, мой прекрасный героический муж, истинная и последняя совесть этого театра. Покинем прочь сию обитель тирании и реакции. *(Уводит супруга, напевая.)* «А деспот пирует в роскошном дворце, тревогу вином запивая...»

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Нервные все такие стали. *(Придвигает бумаги, делает в них резкие пометки карандашом.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

На сцене репетируют БЕРЕЖКОВ и КНЯЗЕВА. КНЯЗЕВА в одежде героини, БЕРЕЖКОВ в обычном гражданском.

БЕРЕЖКОВ. Какая же ты, всё-таки, дрянь. Почему я тебя так долго не мог разглядеть по-настоящему? За красивым, ярким, блестящим фантиком скрывалось пошлое и подлое существо. Ведь тебе предать, что конфетку съесть — вкусную, лакомую, манящую. Так просто это у тебя получается, так просто... Но ты же не меня предала, а себя. Ту самую прекрасную наивную девочку с широко распахнутыми в этот чудесный мир глазами. Ту, в которую я когда-то

влюбился без памяти, и память о которой хранил всю свою жизнь. Как так у тебя получилось, объясни? Я не понимаю, я отказываюсь это понимать.

КНЯЗЕВА. Это не я изменилась, это время стало другим. Оно рвёт душу, дёргает за самые нервные струны, бьёт наотмашь. В страшное время случаются страшные вещи, за которые приходится расплачиваться потом долго, может быть, всю свою жизнь... Я не оправдываюсь, я пытаюсь объяснить.

БЕРЕЖКОВ. Плохо пытаешься.

КНЯЗЕВА. Как могу. Я всё та же девочка с распахнутыми в мир глазами, которая совершила ошибку. Вероятно, роковую. Но ты меня такую никогда больше не увидишь, потому что не захочешь. И ничего здесь сделать уже нельзя.

БЕРЕЖКОВ. Да, нельзя.

КНЯЗЕВА. Жаль. Я надеялась, что можно. Прости. Я люблю только тебя, но это уже лишние слова, пустые. Да?

БЕРЕЖКОВ. Ты тварь. Я тебя очень люблю, но во мне нет клавиши прощения. Наверное, когда-то была, но теперь точно нет...
Клавиши у него, сука, нет. На аккордеоне души капитана Шонина нет, оказывается, клавиши прощения. Какой же конченный бред, господи.

КНЯЗЕВА. Вот такой романтик-психопат. Хорошо, он у тебя ещё стихи ей не пишет.

БЕРЕЖКОВ.

Как писал нам Лев Толстой,
«под стрелю ты не стой,
а то ёбнет тебя грузом,
станешь Танею Толстой».

КНЯЗЕВА. Валецкий. Дима такое мог, да. А помнишь, у него ещё про Хайяма было: «Как писал Омар Хайям, «я послал бы вас к...»

В зрительный зал входит ЖЕЛДЯНСКИЙ, проходит между кресел, садится за режиссёрский стол, включает настольную лампу.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Отставить Валецкого, господа артисты. Работаем, работаем.

БЕРЕЖКОВ. Да запросто. Только растолкуй мне, будь добр: вот он просит жену объяснить ему причину её измены и через запятую говорит: «Я отказываюсь тебя понимать!» Он чего хочет-то, на самом деле? Что драматург вложил в его голову?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Почему сразу в голову? В душу, Юра, в душу! Душа и головной мозг — вещи параллельные или даже перпендикулярные. Голова героя сейчас контролирует его эмоции: он спокоен, сдержан, даже деловит, да? А внутри у него паника, он не готов принять нечто, выходящее за рамки

обыденного. Для капитана война — кровь, боль, смерть — норма, уже норма, а измена жены выходит за рамки этой нормы. Мозг понимает, душа не принимает. Это в первую очередь, не семейный, а внутренний конфликт героя, который ведёт его к закономерному финалу.

БЕРЕЖКОВ. Это понятно. Но мало-мальская логика должна здесь присутствовать? Чем драматург эту сцену писал — головой или сердцем? Похоже, сердцем, если с головой совсем не дружит.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Да хоть жопой! Какая тебе разница? Мало ли что он там написал, важно как ты это прочтёшь, как сыграешь. Твой Шонин глубоко нездоровый человек, как все эти нынешние так называемые герои. У него травма войны, у него неадекватные реакции на всё: на неверную жену, на политику партии и правительства, на стакан воды, на пролетающую муху. У капитана просто другая оптика, которая не отвечает логике обычных людей. Ты один, что ли, такой логичный? Таких полон зал будет, и зритель обязан понять эту болезненную неадекватность правильного человека. И ты зрителю её предъявишь... Теперь понятно?

БЕРЕЖКОВ. Более-менее. Он обычный мудака.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А кто из нас не мудака? Всё зависит от оптики смотрящего. Играй мудака, но с тонкой душевной организацией.

КНЯЗЕВА. Так не бывает.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. В театре бывает всё! Здесь литература становится реальностью: Грегор Замза превращается в таракана, в январе расцветают подснежники, Ланцелот побеждает Дракона, из капитана Шонина получается человек. Я зачем вам сейчас школьные истины проповедую?.. Так, работаем эту сцену ещё раз сначала.

БЕРЕЖКОВ собирается уйти в кулису.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Подожди. *(Выходит из-за стола, поднимается на сцену.)* Я специально сегодня Шипунову звонил, тоже логику искал. А он такой: моё дело писать, ваше дело понимать написанное. В других театрах, говорит, прекрасно понимают. Больших вам творческих успехов, говорит. На премьеру приеду, говорит, вместе с двумя критиками — с Мальцевой и с этим, как его, Лакунским. С удовольствием посмотрю на вашу работу, говорит. Очень, говорит, в вас верю... Ну, вы понимаете же? Лакунский ещё куда ни шло, а Мальцева всегда найдёт отрицание русской культуры, надругательство над традиционными ценностями и тлетворное влияние НАТО, если отыщёт хоть малейший повод. Вот и соображайте теперь.

КНЯЗЕВА. Соображаем. Сообразил, Бережков?

БЕРЕЖКОВ. Сообразил... Ты Вовку заберёшь с тренировки или мне захватить?

КНЯЗЕВА. Я корпоратив сегодня работаю в «Главнефтесбыте», забыл?

БЕРЕЖКОВ. Забыл. Ладно, заберу... Поехали дальше.

БЕРЕЖКОВ уходит в кулису. КНЯЗЕВА садится за стол.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Нет. Ты его ждёшь, нервничаешь, переживаешь. Не так.

КНЯЗЕВА. Она сидит как бы окаменевшая вся.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Вера так не умеет, не её темперамент. Она места себе не находит. *(Показывает.)* Мечется между дверью и окном, иногда присаживается, опять встаёт, слышит шаги за дверью. И теперь можно окаменеть. Попробуй.

КНЯЗЕВА *(пробует)*. Так?

ЖЕЛДЯНСКИЙ *(садится в стороне)*. Примерно. Теперь Шонин. Пошёл.

Входит одетый в сценический костюм ШОНИН.

КНЯЗЕВА. Ты от Тетериной сейчас?

ШОНИН. От неё. Откуда знаешь?

КНЯЗЕВА. Звонила она мне, дрянь, злорадствовала. Ты не верь ей, Клима, ты мне верь. Не так всё было, как она тебе наплела. Не так!

ШОНИН. Не так так не так. Важно, что было.

КНЯЗЕВА. Важно, что ты сейчас здесь, дома, что ты со мной.

ШОНИН. Ладно. *(Берёт гитару, садится, подстраивает, поёт.)*
«Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
эта вера от пули меня тёмной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
знаю, встретишь с любовью меня, чтоб со мной не случилось...»

КНЯЗЕВА. Сколько же тебе пришлось испытать, милый мой, сколько вынести.

ШОНИН. Заткнись.

КНЯЗЕВА плачет. ШОНИН идёт к иконе с горящей лампадкой, встаёт перед ней на колени, крестится.

Святая заступница, спаси мя и сохрани от дальнейшего зла. Направь разум мой, вразуми на добрый поступок. Дурных-то я и так понаделал немало. Кровь на моих руках, много крови, аж с ногтей каплет. Слаб человек, сама это знаешь. Не допусти прегрешения нового. Позволь самому с собой разобраться. У меня к себя спросу накопилось, что патронов в пулемётной ленте. Каждый спрос, как выстрел. С себя мне и спрашивать, больше не с кого.

КНЯЗЕВА. Ну, спроси ты с меня, спроси с дуры-бабы! Только себя не мучай.

ШОНИН (*встаёт*). Спрошу. Такой будет спрос с тебя, Вера: где тот альбом с фотографиями нашей свадьбы? Я там ещё в курсантской форме, а ты такая красивая. И Тетерина у тебя свидетельница, лучшая подружка.

КНЯЗЕВА. В спальне, Клима, в моей прикроватной тумбочке. Я, веришь-нет, чуть не каждый вечер его смотрю, на нас, молодых, люблюсь, про тебя думаю.

ШОНИН. Сейчас вместе полюбуемся.

ШОНИН проходит мимо жены, поднимает руку вроде как для удара.

КНЯЗЕВА прикрывается рукой, но ШОНИН всего лишь поправляет причёску. Уходит в кулису.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Стоп! Ну, хорошо же!

Из кулисы выходит БЕРЕЖКОВ.

Именно так, Юра. Очень точно сыграл: внешне спокойно, но со внутренней истерикой. Ничего больше не додумываем. Запомнил состояние, отложил себе внутри — всё, проехали. Ты сейчас его поймал, теперь зафиксируй. Вот такой он, настоящий, ненарисованный Шонин. Спасибо.

БЕРЕЖКОВ. Пожалуйста.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Алла, у тебя тоже всё нормально. Нерва больше не нужно, достаточно. Только смотри: ну какой из Шонина православный? Сама-то как думаешь?

КНЯЗЕВА. Не знаю. Нормальный вроде.

БЕРЕЖКОВ. Начинающий.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. О! Начинающий, война уверовать заставила. А Вера давно воцерквлённая, она и молиться умеет, и посты блюдёт, и... Что там ещё у вас, православных, в заводе?

КНЯЗЕВА. Исповедоваться.

БЕРЕЖКОВ. Грешить и каяться.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ну да, вот это всё. Короче, она опытная в этом деле, она не может его один на один с Богом оставить. Значит, что?

КНЯЗЕВА. Значит, должна молиться вместе с Шониным.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Умница. Встанешь за ним на колени, будешь креститься, земные поклоны бить.

КНЯЗЕВА. А говорить-то что? В роли этого нет.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не говорить, шептать. Бормотать тихо неразборчивое. Встанешь раньше Шонина, сядешь за стол. Дальше диалог, его проход с замахом — в общем, понятно.

КНЯЗЕВА. Всё на сегодня?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. С вами всё. *(Уходит со сцены, обратно в зал за режиссёрский стол.)* Сцена с Тетериной. Прошу!

КНЯЗЕВА. Значит, Вовку заберёшь, да?

БЕРЕЖКОВ. Конечно. Что на ужин приготовить?

КНЯЗЕВА. Да я поздно буду. Накормят на корпоративе поди чем-нибудь.

БЕРЕЖКОВ и КНЯЗЕВА уходят.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Где эта чёртова Тетерина? Сколько можно ждать? Всё сам, всё сам.

ЖЕЛДЯНСКИЙ торопливо покидает зал.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В гримуборной БЕРЕЖКОВ сидит перед зеркалом в форме капитана Шонина. Работает с мимикой, голосовыми связками, встаёт, отдаёт честь отражению.

БЕРЕЖКОВ. Капитан Шонин! Представляюсь по случаю прибытия в отпуск по ранению... Здравствуй, Галя. Три года не виделись, больше? Ты просила, я пришёл. *(Садится, подбирает напряжённое выражение лица.)* Что-то важное хотела сказать, слушаю тебя. *(Меняет позу.)* Слушаю тебя... Нет, коньяк не буду. *(Просматривает текст пьесы, сникает лицом и фигурой.)* Теперь буду. Коньяк буду! Ты же предлагала, знала что он понадобится после твоего рассказа. *(Вновь сверяется с текстом.)* Да нет, всё правильно ты сделала. Стану ли я тебя после этого ненавидеть? Не знаю, возможно. Правда имеет свои последствия: для тебя, для меня, для Веры. Но любая правда лучше лжи, даже самая горькая, самая страшная. Здесь нет твоей вины, есть только твоё желание сделать Вере больно. А я так, побочное явление, инструмент твоей мести. Ну что ж...

Входит КНЯЗЕВА в сценическом костюме Веры Шониной.

КНЯЗЕВА. Убил Тетерину уже?

БЕРЕЖКОВ. В процессе.

КНЯЗЕВА. А зачем он её убил? До сих пор не понимаю.

БЕРЕЖКОВ. Я начинаю понимать. Смотри, Шонин действительно хороший человек. То есть, когда-то был хорошим. Потом эта война. Он же не доброволец, не фанатик русского мира. Он военный, он офицер. Ему приказали убивать и умирать. Капитан и убивал, потому что это его работа. И чем дальше, тем больше ощущал, что хорошего человека в нём становится всё меньше, а плохого всё больше.

Входит ЖЕЛДЯНСКИЙ.

А внутренний конфликт не может длиться вечно. На войне вся эта навязанная ему извне агрессия находила свои формы выражения. Но тут вдруг возвращение в обыденность. Здесь свои истории, свои мелкие интрижки, случайная связь жены с абсолютно штатским коллегой Костей, нелепым рохлей в понимании Шонина. Жену он любит, этого швигого интеллигента презирает, так кого ему убивать, если убийство — единственный оставшийся вариант формы существования шонинской материи? Только вот эту дрянь Тетерину, которая ему никто и которая разрушила его последнюю иллюзию нормальности мира вне войны. И дальше ещё более закономерный финал.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А ты мне тут драматурга ругал. Нет, этот Шипунов далеко пойдёт, помяни моё слово. У него если уж мудака, так мудака с претензией на Гамлета. Вот так примерно его и исполняй. Можешь впроброс дать свою понятную брезгливость к Шонину, но, умоляю, каким-нибудь мелким мазком, одноразовым, как известное изделие. Главное, не переборщить. А в целом — широко, крупно показываешь героя войны в конфликте с непонимающим его окружением. Война, так сказать, и мир. Все умерли... Ну, ты всё это уже схватил, дальше тело техники .

КНЯЗЕВА. А я всё никак в толк не возьму: последняя сцена отпевания в храме, она зачем? Не в смысле выхода на финал, тут ясно, но их же за церковной оградой хоронят, а не отпевают. Как и актёров раньше.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я, что ли, должен был это драматургу подсказывать? Понятия не имею. Вероятно, без церкви тут никак, обязана присутствовать, как главный и ведущий паровоз истории. «Этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать». Без скреп нынче никуда, сами понимаете, даже если в нарушении канона. Год не вспоминай, два не вспоминай, а в пятницу вынь да положь им идеологически выверенного попа на православные подмостки... Но сама сцена хороша, согласишься, Юра, как сторонний зритель? Настоящий церковный хор на весь арьер и только их пение, и гроб, и свечи, и тоска. И воинский караул печатает шаг, и прощальный залп холостыми из настоящих автоматов, а? Высокий финал, звенящий получился. Сам чуть не плакал на вчерашней репетиции. И крестился бы, если бы умел.

БЕРЕЖКОВ. А ведь правильно нас раньше на церковных погостах не хоронили. Я даже толком не знаю, почему, но чувствую: всё верно делали. Не богоугодное это дело — лицедейство.

КНЯЗЕВА. С чего бы?

БЕРЕЖКОВ. Да с того, что мы из хороших персонажей обязаны вытаскивать всякую дрянь на свет божий, а в плохих находить ангельские черты. Закон профессии такой: всё переиначить, вывернуть наизнанку. Прикладной дьяволизм.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Тебе не всё равно, где лежать потом? На Новодевичьем тебя точно не закопают, и народная тропа к нам всем зарастёт раньше, чем афиша сегодняшнего спектакля истлеет в архиве. Наплевать. Делай что умеешь сейчас, а там пусть потомки разбираются, хорошо ты своё дело делал или так себе, на троечку. Да и разбираться никто не станет в театральных рецензиях Мальцевой и Лакунского на спектакль «Отпуск капитана Шонина». Потомки в сортах говна не разбираются, уж поверь. Да и мы не сказать что особо к этому приучены. Ну и наплевать.

КНЯЗЕВА. Приучены. Просто других сортов совсем уже не осталось, выбирать не из чего.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Или так.

БЕРЕЖКОВ. Знаешь, Веня, мне всегда где-то даже нравился твой откровенный цинизм. А сейчас чего-то тошно уже с него.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я разве против? Бывает... Всё, друзья мои, пошли работать. Сегодня окончательно свет выставляем, мизансцены шлифуем, смотрим как в целом спектакль выстраивается. В следующую пятницу прогон, в воскресенье премьеры. Времени, как говорится, на раскачку нет. Через десять минут весь состав на сцене.

ЖЕЛДЯНСКИЙ уходит.

КНЯЗЕВА (*поёт*). «У церкви стояла карета, там пышная свадьба была. Все гости нарядно одеты, невеста всех краше была». Красивая рифма «была — была»... Мне, Юра, самой тошно от этих персонажей, но они же есть, есть. Римму, одноклассницу свою, встретила вчера в «Магните», библиотекарь она. Очень звала прийти вечером в субботу: «С девушками моими познакомись, винишка выпьем». Они там, понимаешь, все волонтерки, они по субботам свечи окопные льют, под красное сухое. Вокруг Чехов, Булгаков, Достоевский, а девушки во внеурочное время помогают войне как умеют, стараются под винишко. В библиотеке... Мне сразу как-то понятнее роль стала, веришь-нет? (*Смеётся.*) Я им такую Веру Шонину представляю, что Станиславский поверит. Прониклась.

БЕРЕЖКОВ. А ты у меня случаем не спишь с Желдянским? Не часто — так, время от времени.

КНЯЗЕВА. Идиот. Тебе твой Шонин весь мозг сгноил, вроде сифилиса. Не всех актёров нужно за церковной оградой хоронить, только особо впечатлительных дебилов.

БЕРЕЖКОВ. Ладно, кому-то и дебилом нужно быть. Пошли, а то Веня твой опять психа исполнять начнёт.

КНЯЗЕВА. Вот же ты у меня дурак, всё-таки.

БЕРЕЖКОВ и КНЯЗЕВА уходят. Через паузу в гримёрке появляется ШОНИН. Ходит, трогает детали интерьера, садится перед зеркалом, гримасничает. Включает репродуктор внутренней трансляции, из которого раздаётся голос Желдянского: «А вот и Шонины прибыть изволили. Все в сборе, наконец, можно работать... Мизансцену второй сцены, пожалуйста... Хорошо... Подожди, Витя, здесь пауза. Сцена неудавшегося соблазнения тебя Тетериной закончилась, она ушла обозлённой. А твой Костя растерян, понимаешь? Ему противно, но в то же время приятно: он может нравиться женщинам, он полноценный мужчина, а не беспольный сорокалетний маменькин сынок, никому не умеющий ни в чём отказывать. До сегодняшнего дня, до этого самого момента... У него внутри буря смешанных чувств. Ну как, буря? Так, сильный ветер, в бурю он ещё не умеет... В общем, работаешь публичное одиночество секунд на сорок. Твой звёздный час в этой роли. Поехали...» ШОНИН выключает трансляцию. Находит в гримёрке шпагу, делает несколько нелепых фехтовальных выпадов, ставит шпагу на место. Смотрит в зеркало, достаёт из кобуры на поясе пистолет, целится в своё отражение. Затем прикладывает дуло к виску. Убирает пистолет, выходит из гримуборной.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В театральном служебном буфете обедают БЕРЕЖКОВ и КНЯЗЕВА.

БЕРЕЖКОВ. А вот Борька Лохмин в биток вложился ещё лет пять назад. Представляешь, как поднялся сейчас?

КНЯЗЕВА. Что такое «биток»?

БЕРЕЖКОВ. Биткоин. Тремя тысячами долларов рискнул, сейчас у него уже двенадцать там лежит. И мы могли бы, но нет.

КНЯЗЕВА. Жлоб он, твой Лохмин. Мы тогда дачу купили, теперь Вовка там всё лето пропадает с бабушкой, ему нравится. А что толку от Борькиных биткоинов? Он их в гроб с собой заберёт, что ли, как Скупой рыцарь?

БЕРЕЖКОВ. Из Лохмина рыцарь, как из меня Офелия. Я про риски: кто-то умеет ставить на кон всё и даже больше, а мы с тобой не умеем, потому что другой породы, лоховской.

КНЯЗЕВА. Да и ладно, без лоха и жизнь плоха. Будем считать, что мы с тобой украшение этой жизни. Или тебя что-то не устраивает? Ты вдруг решил поиграть с судьбой в рулетку? Рассказывай, что ты там собрался на кон ставить?

БЕРЕЖКОВ. Что я могу поставить? Себя только. Но это фальшивая ставка, её в том казино не примут. Скажут: не по чину ставишь, Башмачкин. Верни шинель, пошли домой.

КНЯЗЕВА (*смеётся*). Это хорошо ты сейчас, красиво... (*Встаёт.*) Ладно, я на последнюю примерку траурного платья. Молоко не забудь купить сегодня. И яйца дома закончились.

БЕРЕЖКОВ. Крайнюю.

КНЯЗЕВА. Что?

БЕРЕЖКОВ. Крайнюю примерку. Не последнюю.

КНЯЗЕВА. В роль вживаешься? Понятно. Всё, пока.

КНЯЗЕВА уходит. За стол подсаживается ШОНИН. Молчит, наблюдает как БЕРЕЖКОВ ест суп.

ШОНИН. Тут ведь как? Тут ведь, понимаешь, ставка больше, чем жизнь... Ты пообедай, пообедай, не отвлекайся... Я это к чему? К тому, что не ты ставку делаешь, её делают за тебя: режиссёры, командиры, начальники, драматурги, генштаб, критики, минкульт, государство. Не ты собой распоряжаешься — тебя распоряжают. На роль или на позицию — без разницы. Ты такой же винтик системы, как и я. У меня фронт там, у тебя здесь. Только у меня там всё ясно и просто, а у тебя здесь сам чёрт ногу сломит. Да не себе, а кому-нибудь другому, непричастному, скорее всего. И не ногу — это я так, для связки слов — душу. Чёрт обычно ломает душу, она ему интереснее. Вот хоть Веру мою возьми... Да не веру, а Веру, супругу дражайшую. Он же её ломал, ломал, ломал, а не доломал. Тело уговорил переспать с этим очкастым Костиком, а до души так и не добрался. Вот такую нелепую, бессмысленную, недалёкую Веру у него сломать не получилось. Значит, слаб он, дьяволёнок? Нет, был бы слаб, меня бы не достал. Я такое видел, что никакому чёрту не снилось, через такое прошёл... А он съел мою душу за один жевок и только облизнулся. Почему так? А чёрт его знает. В прямом смысле, не фигуральном... Скорее всего, подьедать он меня начал давно, прямо с начала этой дьявольской войны. Вначале страхом подьедал, потом жестокостью, затем равнодушием к своей и чужой жизни. То есть, я уже почти готовый сюда приехал, ему со мной много легче было справиться, чем с Верой. У меня, в отличие от неё, не осталось любви, осталась только ревность, как её изнанка. Чёрная изнанка любви, её антитеза... Ты не удивляйся, ты ешь. Я слова умные вполне себе знаю, потому что читал раньше много, любил это дело. А вот пьесы никогда не любил. «Гамлета» пытался читать, «Вишнёвый сад» в школе проходили, даже зачем-то по молодости книжку Тенесси Уильямса купил, бросил на первых страницах. Нет, не моё это, думал... Просто не понимал, что это такая особенная литература: не для людей, а для театра. Читать скучно, зато потом смотреть интересно. Как попал сюда,

так и въехал в тему. Слушай, ну прикольно же. Ты вот читал пьесу этого Шипунова, тебя с души воротило, как меня тогда с «Гамлета»... Да коню ясно, что Шипунову до Данилова, как до Киева на мотоцикле, что ты мне очевидное втирать собираешься? Я про то, что ты же меня вообще вначале не понимал, а теперь догнал практически. Вот что значит хороший актёр, не какой-нибудь там Дерябин. Я в восхищении, реально... Но мы же тут о чём-то другом начинали. О чём, напомни? Да, о любви... Кстати, с чего это вдруг у тебя подозрение возникло насчёт Аллы и Вениамина? Когда чёрт с тобой играть начинает, он в первую очередь сомнение в человека вбрасывает. Да нет, сомневаться так-то полезно, я же не о том. Сомнение в очевидном, вот где тонкий нюанс. Ну допустим, ты уверен, что Земля круглая, а потом вдруг видишь в интернете известного певца, который утверждает, что с его маленького плота вообще не видно никакой округлости. И тут же целый академик Академии, прости господи, естественных наук тебе с формулами доказывает, что Земля плоская. Нет, ты считаешь их идиотами, конечно. Но поначалу, а потом нет-нет да и задумаешься... Вот так это работает, ага. Так что, зря ты сейчас про Аллу. Хотя я, конечно, здесь стопроцентно ничего утверждать не могу. Чёрт его знает... (ШОНИН цепляет вилкой пельмень из бережковской тарелки.) Ничего, горячие ещё... Да какой коньяк с пельменями, сдурел, что ли? Водки возьми сотку, а лучше сто пятьдесят. Не торопись, я здесь подожду.

БЕРЕЖКОВ уходит. Через какое-то время возвращается с графином и рюмкой. Наливает водку, кивает в сторону.

БЕРЕЖКОВ (кому-то). В понедельник с «Динамо» играют? Нормально, выходной день. Давай сходим, сто лет на хоккее не был. Будешь?.. Ладно, за рулём так за рулём. Будь здоров. (Выпивает.) Вовка-то? Нет, на коньках давно уже уверенно стоит. Форма хоккейная немислимых денег стоит, конечно. А главное, он же растёт, ему на следующий год новый комплект покупать придётся, от шлема до коньков. Засада, да... Ага, Светлане тоже привет.

ШОНИН. Так-то неплохой мужик этот Дерябин, да? Только добрый. Добрым быть нельзя, на войне добрых убивают первыми. Раненого ты поспешишь из-под пулемётного огня вытаскивать или согласишься вместо заболевшего товарища на позицию идти — всё, хана тебе, сто процентов. Насмотрелся. Ты там не был, не поймёшь... А кстати, почему ты там не был? Ну хоть краем? Артисты часто приезжают. В тыловое расположение, конечно, но всё равно от прилётов никто гарантию дать не может. Я на концерте Чичериной был, однажды случайно на выступление агитбригады театра Вахтангова попал. Для нас развлечение, понятно, но и к артистам уважения добавляется: не все войну не замечают, кто-то и жизнью готов рискнуть, чтобы эту натуральную жизнь понять, не Шипуновым придуманную. Потому что, прости уж меня, но в человеческих отношениях ты шарить, спору нет. Конфликт хорошо понимаешь, внутреннее напряжение там всякое или вот паузу держать — тут ты мастер, не вопрос. Но как только что-нибудь про войну — вообще не выводишь. Не чувствуешь, не понимаешь фактуру. Прямо испанский стыд иногда ощущаю от твоей игры, реально. Не обижайся только: кто тебе здесь правду скажет, кроме меня? Кто её в театре знает-то? Дерябин, Азаров, Григорьев? Или, прости господи, Желдянский? Нет, пока сам хоть краешек войны не понюхаешь, не потрогаешь, никакой точности от актёра не жди. Старайся не старайся, а только

одна самодеятельность выходит... Сгонять туда нужно, брат, верно тебе говорю. Хоть разок. Адреналина впрыснуть в организм, близкоходящую смерть нюхнуть, на повадки реальных бойцов посмотреть, на их походку, в глаза им заглянуть, характер уловить. Да что я тебе объясняю, сам всё понимаешь. Давай, думай в этом направлении. Мужик ты или не мужик, в конце концов?.. А в остальном нормально роль идёт, не сомневайся. Горжусь знакомством... Ладно, соображай дальше. Пойду я, а то режиссёра твоего слушать сил уже никаких нет.

ШОНИН уходит. За стол садится ЖЕЛДЯНСКИЙ, кивает на графин.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не лишнее?

БЕРЕЖКОВ. «Волки и овцы» сегодня. Я там не занят.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Да? Всё смешалось в доме Облонских, вечерние спектакли уже путаю. Эх, бросить бы всё, да заказать себе тоже двести сейчас.

БЕРЕЖКОВ. И что мешает? *(Выливает в рюмку остатки из графина.)* Будь здоров.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Буду, наверное. Это самое здоровье и мешает. Давит что-то вот здесь вторую неделю, такая тянущая боль регулярная. На поджелудочную грешу, надо бы на УЗИ записаться. Так что как-нибудь в другой раз.

БЕРЕЖКОВ. Ты к врачу-то сходи. Дело такое.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Прогоним завтра «Шонина» и схожу... Я тут вот что вспомнил. Он же из госпиталя, так? Может, мы ему костыль придумаем? Такой, больше для антуража. То есть, ты нормальный прямоходящий примат, но иногда вдруг приступ — и тогда костыль, временная хромота. В сцене встречи, например, и потом, у Тетериной. По минуте примерно в каждой. Тебе же не сложно?

БЕРЕЖКОВ. Да не проблема. А зачем?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Слезодавительного накинуть. Не просто герой, а временный инвалид, всё такое. Публика любит.

БЕРЕЖКОВ. А у Тетериной у него приступ боли от расстроенных чувств случается, так?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Конечно. Все болезни от нервов.

БЕРЕЖКОВ. И как ты себе это представляешь? Шонин приходит к Тетериной обычным двуногим, а потом раз — раз, и на костыль! Он его по улице подмышкой, что ли, нёс, или она на всякий случай дома инвентарь для инвалидов держит?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Да, нелогично. Тогда один раз в начале, при встрече с Верой. Типа, Урбанский на перроне в «Балладе о солдате», помнишь?

БЕРЕЖКОВ. Сравнил тоже ту войну и эту.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Да какая разница?

БЕРЕЖКОВ. Тогда не костыль, а трость. Импозантнее будет. Я с ней готов всю первую сцену отыграть.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Трость, трость, трость... Тоже неплохо, да. С очень лёгкой, еле уловимой хромотой. Точно... Ты закончил? Тогда вставай из-за стола и на выход хромай без трости пока, я со спины посмотрю.

БЕРЕЖКОВ. Ладно, попробуем.

БЕРЕЖКОВ встаёт, уходит из буфета, чуть прихрамывая.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Нормально, Юра! Очень хорошо.

ЖЕЛДЯНСКИЙ спешит на выход за Бережковым.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В кабинете художественного руководителя театра ЖЕЛДЯНСКИЙ разговаривает по телефону.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. «... заслуженный артист России Андрей Григорьев, актриса Алла Князева и ваш покорный слуга. Всего трое, да... Валецкий, к моему глубочайшему сожалению, уже не служит в нашем театре. Так что, увы, не получится... Да, понимаю. В аэропорту нас встретят?.. Знаете, по-разному иногда случается, всякое бывает... Нет, вам я безусловно доверяю. Значит, в следующий понедельник... Обязательно. До встречи». *(Кладёт трубку.)*

Входит БЕРЕЖКОВ в форме капитана Шонина. Вымотанный, в поту весь ещё.

Уже отработал? Как там?

БЕРЕЖКОВ. Кажется, нормально.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я тут сейчас договорился: в следующий понедельник Алла твоя летит мастер-класс давать в Норильск вместе со мной и Григорьевым. Деньги неплохие платят, я бы даже сказал, отличные деньги. Зря ты эту халтуру не любишь: вдвое бы больше на пару с супругой заработали. Они ещё Валецкого очень хотели, но не судьба, не судьба... Ладно, что там публика сегодня?

БЕРЕЖКОВ. Смотрит.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Энергия зала есть? Только не ври.

БЕРЕЖКОВ. Есть.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ты сегодня подозрительно односложен.

БЕРЕЖКОВ. Устал. Этот ваш Шонин всю кровь у меня выпил... А ты чего здесь сидишь, а не в кулисах?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Психую сегодня что-то. Не хочу нерва лишнего добавлять господам актёрам.

БЕРЕЖКОВ. В четвёртой сцене после антракта свет на обе ложи прилично ложится. Может его по-другому выставить, ты подумай... А в правой драматург хорошо смотрел, сопереживал. Так мне показалось.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А Мальцева что? Лакунский?

БЕРЕЖКОВ. Лакунский всю дорогу в блокнот строчил, а Мальцева нормально смотрела, ровно. Хорошо, ты нам их представил перед премьерой, я так бы и внимания не обратил, кто там в ложе сегодня.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Кто-то же должен за вас думать. Критик обязан актёра знать лично, тогда у него рука не поднимется очень уж его ругать.

БЕРЕЖКОВ. Ага, как Пронин тогда, после «Пикового валета». Я такой разгромной рецензии ни до, ни после не читал.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. А не нужно было Валецкому связываться с ним на банкете, да и тебе поддакивать Диме не стоило. Вот и огребли. Так что молчи сегодня, улыбайся, вежливо кивай, тосты поддерживай за искусство Мельпомены или что они там вечно поминают на банкетах... И потом, там же в авторе дело оказалось, не в вас с Валецким. Вы так, сопутствующий ущерб, не более. Кто ж знал, что драматург уже в расстрельные списки занесён, в клеветники Отчизны? Пришлось в середине сезона спектакль с репертуара снимать, как бы Дима твой не орал на всех углах о цензуре культуры. Доорался, карбонарий... *(Смотрит на настенные часы.)* Двадцать минут осталось. *(Включает приёмник внутренней трансляции.)* Коньяку плеснуть?

БЕРЕЖКОВ. Не хочу пока, потом.

Из динамика доносится мужской голос: «Не прогоняй меня, Вера, я не мог не прийти. Здесь нет ни твоей, ни моей вины. Не казни себя, пожалуйста, и не называй меня Константином Семёновичем — мы не чужие люди. Как ты прекрасна, как хороша в этом чёрном платье! Я цветы принёс, Вера, девять роз. Не десять, не восемь, как сегодня положено, а девять. Потому что не ему, а тебе. Потому что сегодняшний трудный день закончится, и придёт рассвет, наступит ясное завтра. Нас ждёт сложная и долгая жизнь. Просто надо жить, Вера, надо жить!.. Господи, зачем я говорю «нас»? Как же я сейчас смешон и пошл, невыносимо пошл!»

ЖЕЛДЯНСКИЙ уменьшает звук репродуктора до неразборчивого.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не переигрывает Дерябин, нет?

БЕРЕЖКОВ. Такой текст сложно не переиграть. Какая-то дикая помесь Чехова с поэтом Асадовым. Это как дядя Ваня читал бы Соне:

«Они инженерами стали,
шли годы без ссор и печали.
Но счастье — капризная штука,
нестойка порой, как дым.
После собрания в субботу,
вернувшись домой с работы,
жену он застал однажды
целующийся с другим.

Нет в мире острее боли.
Умер бы лучше, что ли!
С минуту в дверях стоял он,
уходя в пространство взгляд.
Не выслушал объяснений,
не стал выяснять отношений,
не взял ни рубля, ни рубахи,
а молча шагнул назад...»

А Соня бы отвечала: «Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнём, мы отдохнём».

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Умеешь. Ты всего Асадова, что ли, помнишь?

БЕРЕЖКОВ. Это я в девятом классе в школьной самодеятельности читал. Первый опыт сцены, такое не забывается.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Всё равно здесь поглуше как-то надо, чтобы не в откровенную пошлость, а в такую дурацкую взрослую наивность большого ребёнка... Хотя ты прав, конечно с этим Шипуновым-Асадовым. Дебильный текст, дебильные персонажи. Но я тебе этого не говорил.

БЕРЕЖКОВ. Не они такие, жизнь такая. Что-то в этой пьесе всё же есть. Что-то меня там цепляет. И более того...

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ну и хорошо, что цепляет. Пару сезонов отработаем, а там, глядишь, что-нибудь поменяется в этом вот во всём. *(Делает жест рукой.)* Вот ты брезгуешь мастер-классы давать, а там главный вопрос: когда уже будет можно действительно настоящее ставить и играть, а не Шипунова какого-нибудь? Не прилюдно, конечно, вопрошают, а где-нибудь в коридоре, в ресторане за обязательным вечерним ужином.

БЕРЕЖКОВ. И что ты отвечаешь?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Я отвечаю осмотрительно. И тебе советую в подобных случаях.

БЕРЕЖКОВ. И Алку спрашивают?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Зачем? Алла у нас там для украшения мероприятия, для фотографий на местных новостных сайтах о визите популярной актрисы. Я же в кино не снимаюсь, меня провинциальной публике не продашь. А продаваться нужно, дружище, без этого нынче никак. Иначе в другой раз, в другой город никто не пригласит. Ты же не возражаешь против таких поездок супруги со мной? В смысле, с творческой группой нашего театра.

БЕРЕЖКОВ. Мы все взрослые люди, каждый решает для себя.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ну и отлично. И всё же времена временами, но появилась у меня одна идея...

БЕРЕЖКОВ. Подожди. *(Достает из кармана бумагу, протягивает режиссёру.)* Подпиши для завтруппы.

ЖЕЛДЯНСКИЙ *(читает)*. «Прошу откомандировать меня в творческую группу театра им. Вахтангова для проведения шефских концертов в зоне специальной военной операции. Срок командировки десять дней».

БЕРЕЖКОВ. С двадцать второго числа. Я всего в двух вечерних спектаклях буду занят, Григорьев заменит, с ним уже договорился.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Переигрываешь, Юра. Заигрываешься.

БЕРЕЖКОВ. Возможно, но там такой гонорар, что вам с Алкой и не снился на ваших мастер-классах.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не ври мне. Ты же не из-за денег. Родину защищать собрался от натовского фашизма?

БЕРЕЖКОВ. Не без того.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ты попробуй серьёзно, попробуй, мне понять нужно. Потому что сегодня ты, завтра Дерябин захочет, послезавтра полтруппы потребует организовать шефский концерт уже от лица нашего театра: нешто мы хуже вахтанговских? И я не смогу отказать, как сам понимаешь. Потому что последствия. Так что, давай, объясняйся.

БЕРЕЖКОВ. Там смерть, Веня. А рядом со смертью всегда самая настоящая жизнь — острая, неподдельная. Там другие люди, нам с тобой совершенно неизвестные, непонятные. Чужие, что ли. А они не чужие, они мимо нас с тобой на улице проходят, в очередях стоят за водкой (а кто и за виски), в такси тебя возят, в зале сейчас сидят... Ну, смотри: вот Александр Матросов, который закрыл своим телом амбразуру, да? Герой всего и вся в народной памяти. А по сути, кто он был? Пацан, детдомовец, шпана, вроде этого Мотороллы. И как одно с другим в них уживается, ты знаешь? И я не знаю.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ты ту войну с этой не путай.

БЕРЕЖКОВ. Да не путаю я. Просто люди-то те же, только квартирный вопрос испортил их. Мне понять нужно, на своей шкуре прочувствовать... Для роли, в общем. Капитан Шонин очень тебе обязан будет.

ЖЕЛДЯНСКИЙ (*подписывает бумагу, отдаёт Бережкову*). На. Твоя жизнь, твой выбор. И этический, в том числе, подумай об этом хорошенько. И о сыне, подумай, об Алле, которых тебе сейчас не жалко, если что.

БЕРЕЖКОВ. Об Алке ты позаботишься, если что. По старой дружбе.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Ладно, не суть... Я с тобой о другом хотел. Шварцевского «Дракона» перечитал, думаю поставить к следующему сезону. Там можно с неожиданной стороны историю покрутить.

БЕРЕЖКОВ. Типа, не так всё однозначно с этим Драконом?

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Не то чтобы так откровенно, но есть идеи, есть... Ланцелота сыграешь?

БЕРЕЖКОВ. Лучше Бургомистра.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Почему?

БЕРЕЖКОВ. Не знаю. Он ближе к людям. Лучшим людям города.

ЖЕЛДЯНСКИЙ увеличивает громкость трансляции.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Всё, финал. Схоронили твоего самоубийцу Шонина.

Из репродуктора доносится церковный хор отпевания покойника. Затем печатный шаг почётного караула, громкий залп траурного салюта.

БЕРЕЖКОВ. Красивое.

ЖЕЛДЯНСКИЙ. Три минуты осталось, пошли на аплодисмент.

БЕРЕЖКОВ. Пойдём.

БЕРЕЖКОВ и ЖЕЛДЯНСКИЙ уходят. В кабинет входит ШОНИН. Подходит к рампе, смотрит в зрительный зал. Из динамика звучит финальный монолог Веры.

«Клим чистый был, честный, верите-нет? Он добрый. Мы в лесу однажды ёжика нашли, домой его забрал: молоко ему в блюдечко наливал, яблоки покупал. Помер ёжик, правда, ну так Бог его прибрал, пришло его время... Ёжик ты мой, Клима. Зачем ты со мной так?..»

ШОНИН закрывает лицо руками, трясётся от рыданий.

«И к Косте злобы во мне никакой не осталось, и даже к Гале. Жили как умели, как все живут, что ж теперь-то? Вы, что ли, по-другому живёте? Нет, точно так же. И даже на себя я не злюсь, хоть и надо бы. Недолюбила, недодала, недопоняла...»

ШОНИН убирает руки от лица, на котором вместо слёз саркастическая улыбка. Смеётся, гримасничает до конца монолога.

«А дьявол, он всегда рядом, всегда подтолкнёт, поможет оступиться, доведёт до греха. Как меня, как Клима моего. В вере спасение, люди, только в истинной вере, настоящей. Думаете, нет капитану Шонину там спасения? Ошибаетесь, есть. Всё ему там зачтётся: и война, и Галя Тетерина, и самоубийство это. Зачтётся и спишется. Потому что он Родину любил и защищал её всюю своей жизнью. А оступиться в конце каждый может, это не страшно. Страшно быть мёртвой при жизни, как я теперь.

А вы живые? Ответьте мне. Вы живые?»

После паузы из репродуктора доносятся бурные аплодисменты зала, крики «браво!», «автора!» ШОНИН раскланивается, бросает в зал воздушные поцелуи. Уходит под аплодисменты динамика в сторону кулисы, не доходя до неё, обрачивается, приседает в книксене. Окончательно уходит, повернувшись спиной и прощально покачивая ладонью вытянутой вверх руки.

Аплодисменты стихают, в динамике остаётся неровный гул покидающей зрительный зал публики.

2025 год, январь

